

ПРОЛОГ

МАХЕНДРА,
ЛУЧШАЯ ИЗ ГОР

Зр-р-р-ря...

Что?

Зря, говорю, ашока-дерево называют Беспечальным! Скрипишь тут, скрипишь, душу на щепки-лучины, а они хоть бы ухом...

Какие ж могут быть печали у дерева? — спросите вы.

Обладай ашока даром речи, я б вам ответила! Цветы красивые, скажете? Аромат? Весь год цветешь-радуешься, да? От пчел отбою нет? Шмели жужмя жужжат?! Ваша правда. А кривда — наша. Листья вечнозеленые? Вам бы так зеленеть, злыдням... Вечно. Зимой и летом одним цветом. И чтоб все вокруг от зависти лопались. Тень? Это вам, людям, — тень, а мне-то с нее какой барыш?! Сырость одна. И короеды плодятся. А насчет листьев дедушка-Брахма еще натрое сказал! От порчи они, видите ли, предохраняют! От сглаза! Детишек в особенности. Вот у вас дети есть? Двое? Мальчик и девочка? Небось тоже за листиками пришли? Нет? Ну, хвала Индре, посылающему дождь, хоть вы меня тиранить не станете! А то ведь ходят, ходят, палач на палаче — и рвут, кому не лень!

А кому лень — те вдвое-втрое рвут, про запас, чтоб лишний раз ноги не бить.

Больно ведь!

Вам бы так что-нибудь поотрывать! Волосы, к примеру. Или лучше уши. Гвалт небось подымете — до самой Махендры слышать! Что? Мы и так на Махендре? На лучшей из гор?! Ох, имей мама-Махендрочка язык, уж она бы вам вдесятеро порассказала, куда там мне, ашоке... Ну да ладно.

Я вот все равно кричать не могу, когда больно. А они рвут, черенки крутят, стараются, аж пыхтят от усердия...

Для милых детушек, чтоб им всем чирьев понасажало!

А поверье обо мне слышали? Нет?! Странный вы какой-то, однако: все Трехмирье назубок, а он ни сном ни духом! Не местный? Ах, такой не местный, что и сказать страшно?! Тогда лучше я скажу... Врут, будто я зацветаю, едва меня заденет ногой девушка, которой вскоре предстоит выйти замуж. От того, мол, и цвету постоянно. Ну не бредни ли? Хорошо, хоть вы это понимаете. Потому как не девушка. И даже не похожи. А другие... Скрутишь только завязь кукишами, соберешься передохнуть (думаете, цвести — это вам сандалией мантху хлебать?!) — а эти девицы уже тут как тут! Табунами! ордами! в боевых порядках! с ногами наперевес! И каждая норовит пяткой пнуть! Хоть в поверье ясно сказано: *заденет* ногой, а не приложится со всей дури девической, нецелованной! Ох, не завидую я их будущим муженькам... В общем, не мытьем, так катаньем, а быстренько зацветаешь по-новой, лишь бы отвязались.

А вы говорите — Беспечальная... Не было б печалей, так люди накачали! Жил, слыхала, в древности брахман-дурачок, на все приставания одним вопросом отвечал. Мать ему: «Умылся б ты, что ли?!» — он прищурится и вполголоса, с кошальским пришепетыванием: «А шо, надо?» Отец ему: «Доучил бы ты гимн, сынок, год уже бьемся!» — сынок потянется сладко и кинет через плечо: «А шо, надо?» Соседи ему: «Жениться тебе пора, ишь, какой оболтус вымахал!» — он соседям с ухмылочкой: «А шо, надо?»

Так и прожил всю жизнь, тихо и счастливо. А на месте его погребального костра первая в мире ашока и выросла...

Беспечальная.

...В небе медленно роилось алмазное крошево звезд. Покой и тишина рука об руку нисходили на утомленный мир, смолкли хриплые вопли павлинов и скрежет нахаль-

ных цикад, а обитатели леса сонно приплюхивались в логовах к далекому рассвету.

Тихий час.

Мертвый час, тьфу-тьфу, не про нас будь...

Однако кое-кому и здесь явно не спалось.

В двух посохах от настороженной ашоки весело трещал костер, всюю плюясь искрами, словно в надежде зашвырнуть на небосвод десяток-другой новых звезд.

Или дотянуться в броске, достать, превзойти все костры мира — и поджечь наконец вожделенный бархат неба.

Увы, пока что костру-недотепе были суждены исключительно благие порывы. Зато раскидистые ветви ашоки располагались куда ближе неба, и дерево всерьез беспокоилось за их судьбу, болезненно морщась скукоженными от жара листьями.

— Хорош дрова-то кидать, Здоровяк, — недовольно проворчали от костра. — Весь лес мне спалишь.

И пламя на миг отразилось в черных глазах человека, отразилось, суматошно всплеснуло дымными рукавами — и Медовоокий Агни всем телом метнулся в сторону, убоясь собственного отражения.

Словно подернутые золой угли геенны вспыхнули разом, когда служивые киннары в сотню глоток дунут на присмиривший огонь; словно гибельный цветок Кобылей Пасты не ко времени поднялся из океанских глубин; словно... Ф-фух, почудилось: спит Преисподняя, даруя грешникам глоток передышки, и безмятежны пучины вод.

Ночь.

Молчание.

Покой и звезды.

Даже не верится, что минутой ранее адским жаром полыхнул взор жилистого старца в мочальной повязке на чреслах. Эй, обильный подвигами, ты и вправду глазаст или ночная мара морочит?! Молчит. Не отвечает. Плотно сжаты узкие губы, будто края зажившей раны. Надежно сомкнуты запавшие веки, как у слепого от рождения. И загрубе-

лые пальцы в узлах суставов привычно теребят распушенный кончик седой косы.

Сухой пень-кедряк с плетью серебристого мха.

К чему пню неистовство взора? — оно скорее подходит матерому тигру, в чьих владениях объявился соперник, нежели мирному отшельнику-шиваиту, каковым старик, вне всякого сомнения, являлся.

Ночь.

Ночью всякое бывает... даже то, чего не бывает.

— Знобит меня, тезка, — пророкотал совсем рядом глухой бас, и во тьме заворочалась угловатая глыба. — Ровно с перепоею: крепишься, а оно трусит...

Чудное дело! — глыба эта при ближайшем рассмотрении также оказалась человеком. Надо сказать, человеком весьма завидного телосложения. Своди чащобного ракшаса-вожака к цирюльнику, подпили клыки, подстриги когти, корми год досыта, наряди в темно-синие одежды, расшитые желтыми колосьями и лилиями, нацепи тюрбан на лобастую голову... Что получится? Вот примерно это и получится, что сейчас во тьме ворочается. Зато взгляд великана был удивительно спокойным, лучась благодушием, — хоть любуйся вприглядку, хоть на лепешку мажь вместо масла!

Сокровище — не взгляд.

Так они и сталкивались время от времени: дикий огонь пекла и вечный покой бездны, кипень пламени и неколебимость утеса, молния и гора, взор и взгляд.

Третью ночь уже длился этот странный пролог чудовищной трагедии, один на двоих, закат Великой Бойни и заря Эры Мрака. Третью ночь сидели они у шального костра: престарелый отшельник, добровольный затворник лучшей из гор, которому довелось пережить всех своих учеников, — и тот, кто рискнул прослыть на веки вечные трусом и изменником, но отказался убивать друзей с родичами.

И детский лепет ручья порой рождал тысячеголосый вскрик боли, щебет птиц без видимой причины взвизгивал посвистом дротиков, ветер пах гарью и парным мясом, от-

четливо скрежеща металлом о доспехи; а совсем далеко, на грани возможного и небывалого, плакала женщина.

Одна.

Почему-то всегда одна.

Навзрыд.

Рама-с-Топором по прозвищу Палач Кшатры, сын Пламенного Джамада, сидел напротив Рамы-Здоровяка по прозвищу Сохач, брата Черного Баламута.

Парашурама Джамадагнья — напротив Баларамы Халаюдхи.

«Точно, что Здоровяк, — мимоходом подумалось Беспечальному дереву. — А этот, с косой... отец — Пламенный, а сын и того пламенней! Умеют же некоторые давать правильные имена! Не то что — Беспечальная... охохонюшки, жизнь наша тяжкая, раскудрявая...»

— Странно, — помолчав, обронил Рама-с-Топором. — Знобит, говоришь? Нет, тезка, тут костром не отделаться... не тот озноб. Сдается мне, Жар из Трехмирья тянут. Как одеяло, на себя. Я-то сам аскет — такие вещи нутром чую. Мог бы и раньше заметить, между прочим. Спасибо, тезка, надоумил дурака.

— Да ладно, — засмутился могучий тезка, машинально обдирая кору со здоровенного полена. — Надоумил! Сказал, что холодно, — и всех дел... Тоже мне, светопреставление! Дровец сейчас подкинем, согреемся... гауды хлебнем, там осталось, в кувшинчике...

Ашока представила себе, как, покончив с поленом, застенчивый Здоровяк перейдет к обдиранию ее ствола, — и крона дерева качнулась, рождая вздох отчаяния.

— А пожалуй, что и светопреставление, — старик кивнул, думая о своем. — Опять ты меня подловил, тезка... Зажился, что ли?

Дерево волей-неволей задумалось: к кому относились последние слова аскета — к самому старцу или к его себе-седнику? И даже языки костра бросили рваться к небу и тревожно замерцали, словно прислушиваясь.

К людям в круге тепла и света?

К недосягаемым звездам, искрам иных костров?

Или у пламени тоже свои печали, свои горести, о которых иногда хочется подумать в тишине?..

— Достал ты меня с твоими концами света, — вяло огрызнулся Здоровяк. — Третью ночь только и слышу: конец едет, конец везет, концом погоняет... Уши вянут. Не надоело?

— Надоело. Хуже горькой снухи¹. Сидеть с тобой третью ночь — и чтоб не надоело? Не бывает... А давай-ка мы от скуки проверим, тезка: конец или так, старческий бред?!

— Проверим? Как? У Брахмы спросим? Ау, опора Троицы, где ты там?!

— В Золотом Яйце, с думой на лице, — еле заметно усмехнулся аскет. — Расслабься, тезка: грех Брахму по таким пустякам беспокоить! Сами справимся. Не мочалом шить... Ты у нас вообще, говорят, земное воплощение Великого Змея Шеша?

— Говорят, — без особой уверенности подтвердил Здоровяк, почесывая волосатую грудь.

— А сам как думаешь?

— Да никак. Жру, мать ругалась, ровно в тыщу глоток, — оттого, наверно, и решили...

— Вот мы сейчас и узнаем наверняка. Заодно и насчет конца света выясним. Про мантру распознавания слышал небось?

— Кто ж не слышал... — обиженно протянул великан.

Неужели тезка его совсем за бестолочь держит?!

— А то, что при смене юг-эпох в мантрах плесень заводится? Киснут они, как молоко на солнцепеке, — это слышал?

— Врешь ты все... — рокотнуло в ответ.

Больше всего Здоровяку казалось, что аскет сейчас попросту развлекается за счет увальня-собеседника.

— Врать не обучен. Иди-ка поближе, чтоб не через пламя, — проверять будем!

— Может, завтра? — Здоровяк с явной опаской под-

¹ Снуха — молочай.

нялся на ноги и шагнул к аскету. — При свете? Еще шарахнет меня гнилым тапасом... да и тебя заодно!

— Не облезешь, — отрезал Рама-с-Топором. — Стой здесь. И не вертись.

Великан послушно застыл.

— Да, вот так. Именно так...

Мычание белого быка всколыхнуло тишину, заставив чернильный мрак пойти кругами. Зеленью «мертвой бирюзы» налились звездные россыпи, ливень мерцающей пылицы наискосок хлестнул по кронам деревьев, по зарослям ююбы и примолкшим кукушкам с сорокопутами, еле заметным ореолом собираясь вокруг человека у костра. Тени в испуге бросились прочь с лица старого аскета, превращая его в изрезанный морщинами лунный овал, обвал, осыпь млечной белизны; краями заново вскрытой раны разлепились губы-шрамы, рождая даже не слова, а так — шепот, шорох, шипение, запредельный стон гибельного экстаза; и черепашьи веки, обросшие плесенью ресниц, на миг смежились, чтобы распахнуться вновь.

Так нетопырь распаивает кожистые крылья, взмывая над спящей землей и оглашая ночь писком.

Мнилось, рассветный туман не ко времени потек из кипящих глазниц отшельника, призрачными струями окутывая обоих людей, соединяя их в единое зыбкое существо; молочные реки, кисельные берега, мост через чудо, древняя сказка, которой про были рассказать забыли...

Рама-с-Топором увидел.

Сквозь телесную оболочку Здоровяка резко проступили мощные изгибы змеиного тела, лоснясь иссиня-вороной чешуей, зашевелились, дрогнули ленивыми волнами, потревоженные внезапным вторжением; и бесчисленные головы Опоры Вселенной, недовольно раздув клобуки, начали с шипением поворачиваться в сторону аскета-соглядатая.

Вот только видно было плохо. Костер чадит, что ли? Так не чадит вроде, да и не должен дым Второго мира застить явь Безначалья! И еще: мельтешит впереди раздражающе

малая соринка, бередит взор нелепицей — будто второй змий поперек первого, только куцый такой змеишко, не в пример Великому Шеша, и всего о двух головах!

Дхик! Что за мара?!

Аскет расслабился и смежил веки, восстанавливая обычное зрение. А когда он вновь открыл глаза, то двухголовый змий никуда не исчез! Разве что виден стал много отчетливей, и обе его почти что человечесьи головы натужно хрипели, плюясь желтой пеной.

Верное дело: поплюешься тут, попенишься, ежели волосатые ручищи Здравяка проворно ухватили нага¹ за обе шеи и сдавили кузнечными клещами...

Гибкое тело извивалось в конвульсиях, хвост изо всех сил хлестал великана по бокам, но с равным успехом можно было пороть розгами Махендру, лучшую из гор.

Хватка земного воплощения мало чем уступала ласковым объятиям самого Вселенского Змея.

— Пус-с-сти!.. — с усилием выдавил наг из той глотки, которую сжимала левая рука мучителя. — Задуш-ш-шиш-ш-шь, с-с-су...

— И впрямь, тезка, задушишь, — философски заметил Рама-с-Топором. — Держать держи, только не дави так.

— Да я ж легонечко... — с подкупающей искренностью изумился Здравяк, но хватку послушно ослабил, и наг провис драным канатом, клопочуще дыша в два горла.

Оба Рама тем временем с интересом разглядывали гостя.

В свете костра мерцала серебром чешуя, отполированная до зеркального блеска, а края каждой чешуйки были с тщанием подведены сурьмой. Все тело чревоходящего щеголя равномерно покрывали какие-то чудные узлы, делая нага похожим на ствол молодого бамбука. В верхней четверти туловище плавно раздваивалось, образуя две шеи — каждая длиной в локоть и толщиной с человеческую руку (лапы Здравяка не в счет!). На концах шей судорожно глотала воздух пара голов-близнецов. Разве что правая — с си-

¹ Наги — демоны-змеи, иногда оборотни.

зым родимым пятном у виска. На скулах чешуя переходила в сероватую шелушащуюся кожу, отчего наг выглядел больным, лбы венчали костяные гребни-диадемы, топорщась короткими острыми шипами. Волос на лицах не росло вовсе, даже бровей, даже ресниц, а зрачки были чисто удавы — не гляди, дурашка, козленочком станешь, только ненадолго...

И еще трещотка-погремушка на кончике хвоста.

— Хорош! — заключил аскет, удовлетворясь осмотром. — Отдышался?

— Вроде, — просипела левая голова.

Правая отмолчалась, дыша про запас.

— Тогда отвечай, красавец: кто таков, откуда взялся и что ты тут забыл? — без особой ласки поинтересовался аскет.

— Я потомственный наг Васятха, прапраправнук знаменитого Гухринич-нага, порученец самого Нагараджи Такшаки! — явно приходя в себя, с достоинством возвестил змий.

Впрочем, опять в одно горло.

Левое.

Перестарался Здоровяк, что ли...

— Васятха? — задумчиво повторил Рама-с-Топором. И тут же перевел имя нага с благородного на обыденный. — Хороший, значит?

— Я Хороший, я очень Хороший! — истово закивал головами порученец, опасливо косясь вверх, на Здоровяка.

Поверит ли детинушка?!

— Лучше не бывает, — согласился аскет. — Ладно, будем считать, на первый вопрос ответил. Отвечай на остальные.

— Да я и сам не пойму, как здесь оказался! — имей Васятха-Хороший руки, он непременно бы развел ими, выражая полное недоумение. — Возвращаюсь я подземными путями нагов, спешу с докладом к Нагарадже — и тут меня ка-ак потянет вверх! Знаю ведь, что сюда не надо, что мне наискось через Питрилоку, — а все равно ломлюсь сквозь

землю, будто на привязи! Вылетел наружу — чувствую: задыхаюсь! Ну а дальше вы и сами все знаете...

Рама-с-Топором задумчиво подергал кончик своей многострадальной косы. Затем пнул комок развороченной земли в том месте, откуда явился наг. Довольно широкий лаз уводил в глубины земных недр, в Третий мир — обиталище нагов, душ умерших и части мятежных асуров.

Из лаза тянуло сыростью.

— Дырявим землю, людишек дырявим, а толку... — пробормотал аскет себе под нос. И, уже обращаясь к тезке, словно нага и не существовало: — Ну что, Здоровяк, проверили?! Видал, что с мантрами творится?! А тебе все шуточки...

— Отпустили б вы меня, люди добрые! — взмолился Васятха, чувствуя, что о нем забывают. — Я наг честный, кроткий, целомудренный (последнее далось змию с трудом)! Яда не коплю, козней не строю, Закон блюду златым блюдом... И вообще из-под земли редко выбираюсь. Мне обратно надо с докладом! Если задержусь — Повелитель меня по головам не погладит! Смилостивьтесь, челами бью!

— Ладно, ползи, — махнул рукой Рама-с-Топором. — Сказал бы хоть, чего тебя нелегкая носит... Стряслось что?

Здоровяк отпустил змия, и наг уже начал было хвостом вперед втягиваться в спасительный ход, уводящий в глубь земли. Услышав последний вопрос аскета, Васятха изогнулся хитрым крюком и, почтительно оборотаясь к старику, ответил:

— Я возвращаюсь с Поля Куру известить Нагараджу, что Великая Битва завершилась...

— То есть как — завершилась?.. Здоровяк, держи змия!

В следующее мгновение обе шеи незадачливого порученца вновь оказались в живых тисках, от которых едва успели освободиться. И мощный рывок выдернул нага обратно на свежий воздух.

— А ну-ка, рассказывай! — строго приказал аскет. — Как это: битва завершилась? Чем завершилась? И вообще: какое дело нагам до людских битв?! Давай-давай, шевели языками!

— Пус-с-стите, — хрипел бедолага-порученец, дергаясь в конвульсиях. — Пус-с-стите, гады...

— Сам гад, — заметил честный Здоровяк, разжимая поочередно то одну руку, то другую. — Эй, тетка, пускать или как?

— А не сбежишь? — жалость, похоже, была чужда бывшему Палачу Кшатры.

— Не с-с-сбегху-кху-кху! — из последних сил кашлял змий, и крупные слезы градом катились по его щекам. — С-с-слово чес-с-сти!

— Ладно, отпусти его, — скомандовал аскет.

За то время, пока Васятха по второму разу приходил в себя, аскет успел отойти в сторонку и подобрать свою секиру, известную всему Трехмирью. Топор-Подарок радостно сверкнул, гоня кровавый отсвет костра по полулунному лезвию, и вздыбил холку выгравированный на стали белый бык — именное тавро Синешеего Шивы.

Ашока испуганно вздрогнула: уж не вознамерился ли аскет запастись дровишками для костра? Сейчас как рубанет наотмашь...

Пронесло, боги миловали.

Аскет остановился напротив змия, поигрывая секирой. Стоял, ждал молча. Только чуть слышно брякали колокольцы на длинном древке да потрескивал, догорая, костер.

Где-то вдалеке заунывно выл одинокий шакал.

— Повелитель отправил меня на Поле Куру по просьбе Адского Князя, Миродержца Юга, — выдавил наконец Васятха-Хороший. — Дескать, сам Индра-Громовержец хотел посетить Курукшетру — и, представьте себе, не смог туда пробиться! Уж не знаю почему... Да и Петлерукий Яма волнуется: души убитых воинов к нему не являются, словно все поголовно праведники! Волнуется, а на Поле Куру выбраться не может... прямо не Локапала, а бык в загоне!

Наг перевел дух. Тезки-Рамы не торопили его, внимая каждому слову змия и терпеливо ожидая продолжения.

— Тогда, весьма удивленный и раздосадованный, Ад-

ский Князь отправил на Поле Куру посыльного киннара. Очень скоро (гораздо быстрее, чем рассчитывал Князь) киннар вернулся обратно — с отрубленной головой под мышкой! Понятно, Яма немедленно дал ему новое воплощение, и киннар поведаль: дескать, едва он выбрался во Второй мир, как первый же попавшийся воин снес ему голову топором! Киннар даже толком рассмотреть ничего не успел!

Аскет мечтательно усмехнулся и с лаской огладил лезвие секиры-любимицы. «Топором — это правильно!» — ясно читалось в глазах старика.

Наг на мгновение запнулся, после чего продолжил:

— Яма посылал киннара еще дважды — и дважды посланец возвращался обратно с отрубленной головой! Похоже, его всякий раз убивал один и тот же воин!

Здоровяк еле сдерживался, чтоб не загоготать на весь лес. Три раза подряд наступить на одни и те же грабли — потеха!

— И тогда Петлерукий Яма обратился с просьбой к моему господину. Выбор Повелителя, как обычно, пал на меня, — грустно произнес наг. — У меня, ясное дело, две головы, только терять любую из них мне совсем не по вкусу. Сами понимаете: одна голова хорошо, а две... Поэтому, когда я выбрался из Третьего мира на Поле Куру, я предусмотрительно уменьшился до размеров яблочного червячка — и никто меня не заметил! Но вскоре выяснилось, что в таком виде я и сам могу заметить в лучшем случае яблоко. Пришлось увеличиваться. До полупосоха. Приподымаю я головы, осматриваюсь... Вы будете смеяться, но первым, кого я увидел, был урод-бородач с окровавленным топором!

Васятха-Хороший весь передернулся от такого нехорошего воспоминания, и по чешуйчатому телу пробежала волна мелкой дрожи.

— Шарахнулся я от него, чувствую: за хвост хватают. И орут: «Вот ты-то, гад, мне и нужен!» Я только дернулся, а этот, который змеелов, уже «Нагабхала-Мантру» выкрики-

вает. Ту самую, от которой мы деревенеем и превращаемся в отравленные дротики! Не успел я опомниться — лечу! Взаправду лечу! Мне даже понравилось. Вот, думаю, рожденный ползать... Тут как раз и прилетел. Врезался в чей-то доспех, лбы порасшибал, сам доспех всмятку, хозяин доспеха с колесницы брык! Я поверх него шлепнулся, а он ужедохлый. Совсем...

— Неудивительно, — проворчал Здоровяк.

— Меня мантра и отпустила. Еле до ручья дополз... а он кровью течет. Притаился я в ложбинке, слышу — кричат: «Царь Шалья убит! Последний воевода пал! Бегите, Кауравы!» И тут до меня доходит, что это *мною* бедолагу и прикончили! Вижу: часть воинов побежала, оружие бросают, иные ниц валятся... И голос отовсюду, как оползень в горах: «Убивайте! Павший в бою наследует райские миры!.. Убивайте ради их же блага! Пленных не брать!» Я проморгался, смотрю: огненный дождь всех накрыл... и тех, что бегут, и тех, что ниц..

Наг осекся, лизнул пересохшие губы парой раздвоенных жал и заморгал чисто по-человечески.

Удавьи глаза Васятки предательски заплывали слезами.

— Короче, я обратно, а тут вы со своими шутками! Будто я и так мало натерпелся!

И наг обиженно умолк.

— Врет! — с уверенностью заявил Здоровяк. — Быть такого не может. Кшатрий сдающегося никогда не убивает. Слышь, тезка, врет, слякоть двумордая!

— *Кто* приказал не брать пленных? — тихо спросил Рама-с-Топором у нага, и сухие пальцы аскета непроизвольно сжались, вращая в древко секиры.

От этого чуть слышного голоса передернуло не только нага, но и могучего Здоровяка. Лицо аскета казалось бесстрастней обычного, но уж лучше бы он ругался самыми страшными словами и размахивал своим топором... Увы, не такой человек был Парашурама Джамадагнья, Палач Кшатры, что наполнил в свое время Пятиозерье кровью варны воинов и поил этой кровью призрак невинно убиенного отца.

Былой хозяин Курукшетры, где сейчас гибли тьмы и тьмы.

Нет.

Не гибли.

Погибли.

— Я н-не знаю... — растерянно выдохнул Васятха. — Клянусь жалами Отца-Шеша, не знаю!

— И голос отовсюду, словно оползень в горах, — медленно повторил Рама-с-Топором. — Голос *его*...

— Кого — *его*? — не понял Здоровяк.

— Братца твоего ненаглядного! Черного Баламута! — аскет выплюнул это имя, как ругательство. — Кого ж еще?!

И бесстрастным старик теперь выглядел не более чем весеннее половодье в отрогах Восточных Гхат.

— Да ты что, тезка, сдурел?! — Брови Здоровяка вспугнутыми шершнями взлетели на лоб. — Кришна, он же... да не мог он такого приказать! Он вообще не любит приказывать... и в битву обещал не вмешиваться!

— Любит, не любит! Ты мне еще на лотосе погадай! Ах я, старый дурак! Вот она, Эра Мрака! Павший в бою наследует райские миры? Убейте всех ради их же блага! Пленных не брать! Любовь — побоку, Закон — на плаху, одна Польза осталась, и та с гнильцой... Убивайте! Всех, всех, а там Господь разберется, где свои... и огненный дождь на головы! Это ж какой сукой надо быть, чтоб «Южными Агнцами» сдающихся полоскать?! Дурак я, дурак... решил отсидеться...

— Мне надо туда, — катая желваки на скулах, сухо бросил Здоровяк. — На Поле Куру. Я отказался участвовать в бойне — но бойня закончилась. Пора вернуться. И взглянуть в глаза своему брату. Извини, тезка, но я не верю, что это — он. Ведь я люблю его...

Насмерть перепуганный Васятха смотрел на огромного человека, в котором только что все добродушие переплавилось в нечто совсем иное, и сердце змия захлебывалось от страха.

Наг, разумеется, слышал рассказы о том, как бешеный

Баларама убивал на арене Матхуры лучших борцов-демонов, смеясь в лицо царю-выродку, но раньше порученец никогда не принимал это всерьез.

— Ну, я пополз? — робко поинтересовался наг.

— Пополз, — согласился аскет. — Да не туда. Вот доставишь его на Курукшетру — тогда посмотрим... И меня заодно, — неожиданно закончил он.

— Да как же так? — бедный Васятха чуть не подпрыгнул от растерянности. — Мне же к Повелителю с докладом...

— Повелитель обождет, — аскет был неумолим. — Думается, по возвращении твой доклад будет куда полнее. Давай, поехали!

— Да не снесу я вас двоих! — взмолился наг.

— Еще как снесешь! — заверил его Здравояк, мигом приняв сторону тезки. — Уменьшаться умеешь? Умеешь. Сам говорил. Значит, и увеличишься, ежели подопрет!

— Ну не настолько же! — продолжал упираться Васятха. — Кроме того, если я с докладом опоздаю, с меня семь шкур...

— Скажи-ка, тезка, чтить ли ты Шиву-Милостивца? — словно забыв о существовании нага, обратился аскет к великану.

— Ясное дело! — удивленно ответил тот, еще не вполне понимая, куда клонит старик.

— А хотел бы ты хоть в самой малости уподобиться Синешеему?

— Ну... а в чем именно?

Видимо, в душу Здравояка при воспоминании о привычках чтимого Шивы закрались сомнения.

— Шива, подвижник из подвижников, как ты знаешь, любит подпоясываться царской коброй. Ну хотя бы в этом мы с тобой могли бы последовать его примеру?

— Могли! — уверенно кивнул Баларама, убедаясь, что никто не предлагает ему посвятить остаток жизни аскезе и с утра до вечера стоять на одной ноге. — В этом могли! Запросто.

— Вот и я так мыслю, — аскет задумчиво пробовал ногтем остроту секирного лезвия. — Наш чешуйчатый приятель, конечно, не кобра... зато головы у него две, и длина вполне подходящая. Так что ежели аккуратненько располосовать вдоль — быть у нас с тобой по замечательному поясу! Полагаю, Шива одобрит.

Здоровяк хлопнул в ладоши и расплылся в радостной улыбке, явно предвкушая водопад будущих милостей Синешеего.

— Ладно, уговорили, — промямлили обе головы нага, который внимательно следил за развитием щекотливой темы. — Все вы, люди, одной сурьмой мазаны: чуть что не повашему — сразу топором! Хоть нас, хоть киннаров, хоть друг дружку! Отойдите, дайте место...

— Вот и умница, — похвалил его Рама-с-Топором. — А Повелителя своего не бойся. Станет ругаться, скажешь: дескать, срочно понадобился самому Балараме, земному воплощению Змея Шеша. Тем более что так оно и есть, — добавил аскет тихо.

Васяtxа тяжело вздохнул и начал быстро увеличиваться. Когда длина его достигла почти двадцати посохов, а в объёме в самом толстом месте наг вполне мог сравниться со средней упитанности слоном, змий прекратил наконец расти, критически оглядел себя двумя парами глаз и, видимо, остался доволен результатом.

— Ну что, поехали? — поинтересовался он у тезок.

Здоровяк подхватил лежавшую под деревом цельнометаллическую соху, с которой почти никогда не расставался; аскет наскоро затоптал костер босыми ногами — и вот уже оба Рамы восседают в ложбине у шейной развилки змий.

— Поехали! — Один седок хлопнул нага по левой шее, другой — по правой, и ездовой змий принялся споро ввинчиваться в Махендру, лучшую из гор.

— Хоть когда-никогда свой плуг по назначению использовал, — донесся из-под земли удаляющийся бас. — Сегодня, например, тебе огород вспахал! Теперь этого погоняю, подколодного... А то все больше заместо дубины...

Голос стих. Вскоре перестала дрожать и земля. Тишина

вновь вернулась к пепелищу бывшего костра — и лишь огромная воронка, окруженная валом вывороченной земли, напоминала о странной троице, покинувшей благословенные склоны.

Ашока тревожно качнула ветвями и наконец успокоилась. Сейчас был тот редкий момент, когда ее действительно можно было назвать Беспечальной.

«Не зря его все же кличут Добрый Рама-с-Топором, — думало дерево, засыпая. — Все в итоге добром решил. А мог ведь и рубануть...»

Тишина. Звезды. Легкий шелест листвы, которую ерошит проказливый ветерок-гулена.

И не слышно больше в этом шелесте лязга металла о металл, стонов умирающих, конского ржания, скрежета стрелы по доспеху...

Великая Битва закончилась.

Все убиты.

Все ли?..

КУРУКШЕТРА, ЛУЧШЕЕ ИЗ ПОЛЕЙ

— А, вот ты где! — насмешка звенела и переливалась, и хлестала семихвостой плетью.

От души.

Это было первое, чем встретила Курукшетра подземных путешественников, когда те выбрались наружу.

Насмешка-невидимка.

И лишь потом до их слуха донеслось сытое карканье бесчисленных ворон, круживших над Полем Куру.

Люди осматривались по сторонам, пытаясь сориентироваться; наг же спешно уменьшился до обычных размеров, затем подумал и уменьшился еще вдвое.

Светало. Медленно редая, плыла над землей кисея тумана, и сквозь нее углами проступали изломанные кусты,

обугленные, сиротливо торчащие остовы деревьев — и трупы, трупы, трупы...

Видно было не дальше, чем на два-три посоха, но этого хватало.

Кусты, трупы...

— Тростники вместо двorcовых стен, жабы вместо наложниц? — насмешка ширилась, обжигая слух. — Озеро вместо державы?! Думаешь, это спасет тебе жизнь, Боец?

В ответ расхохоталось несколько голосов — пять? шесть? дюжина?..

Нет, не в ответ.

В поддержку насмешке.

— Царь Справедливости?! — удивленно спросил сам себя Здоровяк, тщетно пытаясь высмотреть хоть что-то в туманной мгле. — Раньше он был куда учтивее! Даже с врагами.

Рама-с-Топором молчал. Он знал, что Царем Справедливости с рождения именуют старшего из братьев-Пандавов, братьев-победителей, — но никогда не встречался с ним лично, чтобы теперь распознать голос.

А еще аскет знал: Бойцом звали хастинапурского раджу Дурьодхану, сына Слепца, — того, кто сумел настоять на своем еще при жизни Гангеи Грозного, Деда Кауравов.

Догадаться об остальном было проще простого.

— Где твоя хваленая гордость, Боец? — насмешка хищным ястребом взымла над хохотом остальных. — Выходи, сразись с нами!

— Ну?! — подхватил хор.

— Значит, не все погибли! — Здоровяк явно воспрял духом. — Может, еще кто-нибудь уцелел?

— Может быть, — сумрачно процедил Рама-с-Топором,

разглядывая опрокинутую набок колесницу, запряженную четырьмя скелетами. — А может и не быть.

— Ну что, теперь я свободен? — с надеждой осведомился наг.

— Свободен, — кивнул аскет. — Но я бы посоветовал тебе задержаться. Возможно, ты скоро увидишь кое-что, о чем небезынтересно будет узнать Нагарадже и Адскому Князю.

Любопытство перевесило, и после изрядных колебаний наг решил остаться.

— Я прячусь здесь не из страха за свою жизнь! — Ярость и боль отшвырнули насмешку прочь, и даже язвительный хор приумолк в смятении. — Одна жизнь из миллионов, подвластных мне, — думаете, я дорожу ею больше прочих?! Я просто хотел отдохнуть и смыть кровь с моего тела...

— Мы уже отдохнули, — насмешка вернулась, игриво струясь в тумане. — Да и ты, наго полагать, успел омыться вдоволь. Выходи, прими вызов — и если ты победишь, царство будет твоим! Клянусь чем хочешь!

Здоровяк отчетливо представил себе обессиленного вождя Кауравов, по грудь в воде, обнаженного, израненного, безоружного (хотя это — вряд ли!), — и столпившихся на берегу озера воинов.

В сверкании лат и смертоносного металла.

Воображение обожгло сердце ледяными брызгами гнева.

— Что мне в царстве, построенном на костях грузей и родичей?! — Ярость и боль, боль и ярость, последнее прибежище Бойца. — Ты хочешь быть царем наг кладбищем?! Будь им! Ты победил. А я облачусь в рубище отшельника и удаюсь в леса, проведя там остаток дней...

Дружный гогот вновь был ответом законному радже Хастинапура.

— И ты думаешь, что я поверю тебе? — вкрадчиво поинтересовалась насмешка. — Поверю, пожалею и дам уйти живым? Ты даришь мне царство теперь, когда перестал им владеть? Щедрый дар, Боец! Выходи и сражайся!

— Нет, ты погляди, как он гладко стелет! — искренне изумился Здравяк. — Попробовал бы он так говорить с Бойцом, когда тот был в силе!

Аскет молчал, хмуря кустистые брови.

Наг тоже помалкивал — от греха подальше.

— Я буду сражаться! — взревела из озера ярость, заставив боль умолкнуть. — Один на один! С каждым! Или вы собираетесь задавить меня скопом, подтвердив врожденную подлость? Ха!

— Вот теперь я слышу речь истинного кшатрия, — удовлетворенно проворковала насмешка. — Недаром же мы братья... Выходи. Бой будет честным, обещаю.

Плеск расступившейся воды, шелест тростника...

— Ты даже можешь выбрать оружие, которым станешь биться, — милостиво разрешила насмешка.

Было слышно, что говоривший может позволить себе великодушие в таких мелочах.

— Ты храбрый человек, о Царь Справедливости. — Ярость позволила и себе криво усмехнуться. — Я принимаю твою милость и выбираю палицу! Пусть тот из вас, кто осмелится, выступит против меня с равным оружием!

Тишина.

— Да, тут они, похоже, дали маху, — Здравяк ткнул аскета локтем в бок. — Кроме Бхимы-Страшного...

— Я, брат твой, Бхимасена, вырву шип, терзающий твое сердце, о Царь Справедливости! Сейчас я своей палицей лишу негодя царства и жизни!

— *Когда это ты научился красивым речам, Волчебрюх? Когда строгал ублюдков сукам-ракишцам? Когда пил кровь моих братьев? Когда подлостью убивал наших общих наставников?! Хватит понапрасну молоть языком — выходи и бейся со мной!*

— Посмотрим? — предложил аскет.

— Пошли, — кивнул Здоровяк.

Ветви кустов хлещут по лицам, словно Поле Куру старается задержать бывшего хозяина, не дать пойти на звук, зябкий дождь из росы осыпается на плечи, руки... Впереди мелькают размытые силуэты, слышатся крики, треск пер-вых ударов.

Позади, стараясь не отстать, резво ползет Васятха.

— Постоим здесь, — шепчет Рама-с-Топором, останав-ливаясь на пригорке, у чудом уцелевшей смоковницы, и придерживая тезку за плечо. — Не спеши.

С этого места берег злосчастливого озера и поединщики, окруженные изрядной толпой воинов из лагеря победите-лей, были видны как на ладони. На новых зрителей же ни-кто не обратил внимания — всех захватило зрелище.

Ох и зрелище!

Странно: почему убийство сотен и тысяч вызывает омерзение или ужас, а вот так, один на один, в кругу возбу-жденных зевак...

Подобные матерым быкам-гаурам на брачном лугу, кру-жат двое: нагой и одетый, плоть и гонимый, всклокоченная шевелюра и плоский шлем с налобником, босые ноги и бое-вые сандалии в бронзовых бляшках. Вот с треском столк-нулись шипастые палицы — единственное общее, что бы-ло у обоих... ложь, не единственное! — еще общей была си-ла. Удар, другой, третий... глаз человеческий безнадежно опаздывает, пытаюсь уследить за молниеносными взмахами. Кажется, что подобным оружием с его чудовищной тя-жестью невозможно биться, словно легкими булавами для метания; много чего кажется, глядя со стороны и гася в

груди вопль восторга, но быкам в кругу нет дела до наших представлений о паличном бое.

Они просто ежесекундно опровергают эти представления.

Боец и Страшный, царь бывший и царь будущий — побежденный и победитель.

Рама-с-Топором смотрел на поединок и чувствовал себя посторонним.

Мумией из седых бездн прошлого, миражом с сияющих вершин будущего, незванным пришельцем, что явился к концу чужого пира и теперь нагло разглядывает гостей с хозяевами. Осознание собственного возраста впервые обрушилось на костлявые плечи, грозя стать последней соломинкой, ломающей спину буйволу. Сменились поколения, пока аскет предавался добровольному затворничеству на Махендре, возвелись и разрушились города, люди стали иными, лик земли стал иным, Поле Куру забыло грозного Палача Кшатры, пустив на свой простор новых палачей, помоложе — и сотню раз успел сгнить до основания старый ашрам старого отшельника. Сейчас же он смотрел и не узнавал лиц, путал имена с прозвищами, плохо разбирался в хитросплетениях родословных внутри Лунной династии и прочих царских семей; плохо разбирался хотя бы потому, что его это абсолютно не интересовало до сегодняшнего дня.

Рама знал лишь: трое его учеников были подло убиты один за другим здесь, на этом поле, которое согласилось лечь под армии друзей и родичей, как шлюха под гогочущий сброд в порту.

Сердцу аскета было видение тех смертей.

Гангея Грозный по прозвищу Дед.

Наставник Дрона по прозвищу Брахман-из-Ларца.

Карна-Подкидыш по прозвищу Секач.

И бой нагого с dospешным в кругу зрителей, сгоравших от предвкушения финального удара, был сродни тем видениям.

Аскет не замечал, что его пальцы скоро раздавят секирное древко.

Он смотрел.

...Противники разом отскакивают друг от друга, стремясь перевести дух на безопасном расстоянии. Доспешный потерял шлем, лицо его залито кровью из рассеченного шипом лба, а на губах пузырится бурая пена — второй удар пришелся наискось в зеркало панциря. Голый, в свою очередь, движется, изрядно скособохась и подволакивая правую ногу — похоже, у него треснуло ребро или два.

Но ненавидящие взоры продолжают сталкиваться с беззвучным грохотом.

Доспешный жаждет победить и насладиться победой.

Нагой ничего не жаждет.

Он умирает, выбрав смерть по своему вкусу.

Он счастлив.

— Если так пойдет и дальше, братьев-Пандавов останется четверо, — равнодушно произносит Рама-с-Топором.

Здоровяк не отвечает, опершись на соху.

Будто в подтверждение слов аскета, нагой внезапно кидается вперед, забыв о ранах и усталости. Палица описывает в воздухе сложную петлю, достойную гревесного удава, выскальзывает из-под, казалось бы, неминуемого столкновения — и металл уже пострадавшего зеркала становится треснутой кожей кокоса.

Доспешный рушится наземь сбитой влет гридхрой, содрогаясь всем телом. Он нагсадно хрипит, и бурая пена на его губах мало-помалу становится алой... ярко-алой, цвета свежевывстиранных одеяний Агского Князя.

Цвета смерти.

Нагой издает торжествующий клич и, верный закону паличного боя, отходит прочь в ожидании.

Оглавление

Пролог. 7

Книга первая

ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Глава первая. БОГ, КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ НУЖЕН 36
Глава вторая. ПРИНАДЛЕЖИТ МАРОДЕРАМ. 59

Книга вторая

КАРНА-ПОДКИДЫШ ПО ПРОЗВИЩУ СЕКАЧ

Часть первая. ПОДКИДЫШ

Глава первая. БРОСЬ СЕРДЦЕ В ВОДУ 80
Глава вторая. ГОНГ СУДЬБЫ 97

Часть вторая. СУТИН СЫН

Глава третья. ВСЕ ЗЛО ОТ ЛАНЕЙ 118
Глава четвертая. ЧУЖИМИ РУКАМИ 147

Часть третья. БЕГЛЕЦ. 181

Глава пятая. СВОБОДА ВЫБОРА 181
Глава шестая. СВЯТЫЕ МОЩИ 213
Глава седьмая. УЧЕНИК МОЕГО УЧИТЕЛЯ. 234

Часть четвертая. РАДЖА

Глава восьмая. ГОРИ ОНИ ВСЕ СИНИМ ПЛАМЕНЕМ 261
Глава девятая. ИНДРОГРАД РОЖАЕТ ГОСПОДИНА 296
Глава десятая. СОКОЛ БЬЕТ БЕЗ ПРОМАХА. 311

Часть пятая. СЕКАЧ 331

Глава одиннадцатая. СКАЗАНИЕ ОБ УСИЛИЯХ ЦАРЕЙ 331
Глава двенадцатая. СКАЗАНИЕ ОБ ОСУЖДЕНИИ КАРНЫ 359

Книга первая

**ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ
ВЛАДЫКА ТРИДЦАТИ ТРЕХ**

Глава третья. ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ ГОСПОДА	384
ЭПИЛОГ	406
Глоссарий	434